

УДК 008"312"

UDC 008"312"

24.00.00 Культурология

Culture studies

ДВОРЯНСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII-XIX ВВ. КАК ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО¹**NOBILITY IN THE RUSSIAN EMPIRE OF XVIII-XIX CENTURIES AS A PARALLEL CULTURAL SPACE**

Алиев Растям Туктарович

Aliev Rastyam Tuktarovich

к.и.н.

Candidate in history

*Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия**Astrakhan state university, Astrakhan, Russia*

Параллельное культурное пространство представляет собой феномен в рамках гетеротопии. Все культурные процессы и явления, происходящие там, функционируют по особым законам и закономерностям. Автор статьи обосновывает тот факт, что дворянство в России XVIII-XIX веков представляет собой особый хронотоп с признаками параллельного культурного пространства. В частности, сравнение с другими привилегированными слоями населения Российского государства, анализ внутренних процессов и явлений и доказывает этот факт. Зародившись ещё в XII веке в среде младшей княжеской дружины, дворянство прошло довольно длинный путь становления в особое служилое сословие. В XVIII веке происходит его окончательное оформление в виде аристократической прослойки России, и автор доказывает, что именно с этого времени можно наблюдать гетерогенность пространства, в котором дворянство и существовало. Его положение, доступ к широким культурным, политическим и социальным благам создают отличные условия для обособления дворянство в отдельное культурное пространство, которое, в свою очередь, детерминирует новые явления. Сам этот факт заставляет по новому взглянуть на проблему культурообразования в определённой среде развития, на проблему культурной безопасности и раскрывает принципы функционирования гетеротопных пространств

Parallel cultural space is a phenomenon within heterotopia. All cultural processes and phenomena, taking place there, operated by special laws and regularities. The author substantiates the fact that the nobility in Russia XVIII-XIX centuries is a special time-space with features of parallel cultural space. In particular, a comparison with other privileged strata of the population of the Russian state, the analysis of internal processes and phenomena proves this fact. Originating in the XII century, among the younger princely nobility went quite a long way in the formation of a special service estate. In the XVIII century is its final form as an aristocratic layer Russia, and the author argues that it is from this time can be observed heterogeneity of the space in which the nobility and there. His positions, access to the broad cultural, political and social benefits provide excellent conditions for the separation of the nobility in a single cultural space, which, in turn, determines the new phenomena. This fact forces us to take a fresh look at the problem in a certain culture formation development in the environment for cultural security problem and reveals the principles of heterotopic spaces functioning

Ключевые слова: ДВОРЯНСТВО, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ГЕТЕРОТОПИЯ, КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО, КУЛЬТУРА, ЭТИКЕТ

Keywords: NOBILITY, RUSSIAN EMPIRE, CULTURAL SPACE, HETEROTOPIAS, CULTURAL SECURITY, PARALLEL CULTURAL SPACES, CULTURE, ETIQUETTE

Doi: 10.21515/1990-4665-124-038

¹ Работа выполнена по проекту 15-33-11172 «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»

Пространство и время для культуры – важные элементы её функционирования. Это именно те категории, которые сопровождают человека на протяжении всей жизни и составляют его картину мира. Субъект может сопоставлять их с иными категориями миропонимания, выстраивая структуры различной сложности и маркируя их конкретными аксиологическими характеристиками. Любой человек постоянно и неотрывно воспринимает себя в определённом пространстве, будь то физическое (объективное) или культурное (субъективное или объективное, в зависимости от типа пространства). Время же в свою очередь влияет на формирование у человека определённых культурных ценностей.

Прежде всего, пространство определяется отношением человека, то есть субъекта, к среде его пребывания. Таким образом, «пространство может быть описано через совокупность отношений, согласно которым некий объект-пространство может быть определён в пространстве-среде» [1].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что конкретно культурное пространство может быть представлено в двух состояниях, в зависимости от соотношения субъекта и самого пространства:

1. Гомогенное – пространство, в котором вещи и идеи однозначны по отношению к субъекту. Как правило, это обычная, привычная среда обитания человека: дом, работа, офис и т.д.
2. Гетерогенное или гетеротопное – пространство, где совокупность вещей по отношению к субъекту неоднородны.

Первым, кто описал подобные пространства, был известный мыслитель XX в., постструктуралист М. Фуко. Он и дал пониманию термина «гетеротопия» новый содержательный и качественный смысл [2]. Философ условно поделил пространства на два типа:

1. «Утопии» – места, которые не имеют реальной привязки к пространству. Они выстраиваются в прямой или противоположной связи с существующими областями социума, и представляют собой «идеальный» топос, где возникает общество идеальное, но вымышленное.
2. «Антиутопии» – пространства с привязкой к реальным местам, где они формируются вместе с самим обществом. Представляют собой так называемое «пространство наоборот», где все имеющиеся типы топоса слиты в одно, отражены и перевернуты.

Примечательно является то, что в последнем типе нет традиционных связей ли отношений. Здесь появляются новые, которые формируются благодаря новым законам, отличающимся от традиционного общества [1].

Таким образом, мы можем говорить, что в том или ином общем культурном поле могут существовать совершенно разные по своим свойствам и характеристикам пространства, где похожие процессы происходят по объективно различным законам. Примечательно и то, что они могут существовать параллельно друг другу. Исходя из этого, мы обоснованно вводим термин «параллельные культурные пространства».

В данном контексте для нас было бы важно введение в предмет исследования и такого понятия как хронотоп [3] в качестве категории определяющей субъективное восприятие соотношения пространства и времени в культуре. «Человек не рождается с «чувством времени», его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [4]. Таким образом, мы видим, что это самое чувство времени и пространства зависит от культурных норм в том или ином пространстве. Поэтому перед нами стоит важнейшая задача определения подобного параллельно существующего хронотопа с гетерогенными свойствами в русской культуре.

Начиная с XVIII в., естественно отличающимся от других слоёв российского государства, по праву можно считать дворянство. Мы не зря выделили его в качестве параллельного культурного пространства предметом нашего исследования. Ведь даже беглый взгляд на эволюцию в Российской империи этого сословия, которое является неотъемлемой частью единого культурного поля, показывает объективные различия от других социальных страт. Совершенно справедливо было бы сказать, что дворянство развивалось по своим социокультурным законам. Тем более, что начиная с XVIII в. дворянство, как отмечал известный русский культуролог и семиотик, Ю.М. Лотман, «было порождением петровской реформы» [5]. Но это не значит, что сословие не существовало и до этого момента. «Материалом, из которого это сословие составилось, было допетровское дворянство Московской Руси» [5].

Эта аристократическая прослойка прошла довольно длинный путь становления. Она уже в XII в. представляет собой низшую знать, которая завязана на отношениях с князем и его хозяйством, и этим противопоставлялись боярам, родовой аристократии [6]. Отсюда и их название, указывает на отношение этой страты к княжескому двору. Уже с XIV в. «...их ратный труд оплачивался тем, что за службу их «помещали» на землю, иначе — "верстали" деревнями и крестьянами. Но ни то ни другое не было их личной и наследственной собственностью. Переставая служить, дворянин должен был вернуть пожалованные ему земли в казну... Правда, за особые заслуги ее могли пожаловать в наследственное владение, и тогда "воинник" становился "вотчинником"» [5].

Таким образом, мы видим, что уже в допетровскую эпоху дворянство занимало особое место, которое указывает на гетерогенное (непостоянное) состояние самого сословия. Это подчёркивает тот факт, что дворяне в основном владели поместьями, а не наследственной вотчиной. А, следовательно, их положение целиком и полностью зависело, в отличие

от бояр, от княжеской милости. Но в тоже время, в различные периоды русской истории князья, государи и цари нуждались именно в дворянстве, которое могло выступать в качестве особой силы в виду его могущества и многочисленности. Так даже в XII в. Андрей Боголюбский при столкновении с боярами опирался на младших дружинников, «милостников» – прообраз будущего дворянства [7]. Иван IV Грозный так же опирался на них. В частности, при нём был издан указ от 5 января 1562 года об ограничении боярских вотчинных прав, что, в свою очередь, ещё больше, чем прежде уравнивало бояр с поместным дворянством [8].

Именно дворянство стало движущей силой в событиях эпохи Смуты: на него опирался Борис Годунов, который начал окончательно закрепощать крестьянство в угоду служилого сословия. Лжедмитрий I в своей политике, не доверяя боярам, снова делал ставку на дворян, которые, в свою очередь, проложили ему путь к московскому престолу.

Петровская эпоха уже окончательно приравнивает в 1714 г. дворянство к боярам, стирает между ними границы, сделав, таким образом, и тех и других служилым сословием. Дальнейшие преобразования Петра превратили дворянство в то, каким представляют его люди, когда слышат само только их название.

Ю.М. Лотман, говоря о петровской эпохе, писал: «...Психология служилого сословия была фундаментом самосознания дворянина XVIII века. Именно через службу признавал он себя частью сословия...» [5]. Мы здесь видим кроме осознания своей исключительности и привязанности к государству ещё и особое состояние дворянства, в которое оно вошло с петровскими преобразованиями. Теперь дворянство не простое служилое сословие, оно носитель культурных, социальных, государственных и даже в некотором плане духовных ценностей той или иной эпохи. Будучи передовым сословием, дворянство со временем превращается не в просто социальный страт, а именно в параллельное культурное пространство,

развивающееся по своим законам и отличающееся от остальных сословий Российского государства. «Человек XVIII века жил как бы в двух [параллельных] измерениях: полдня, полжизни он посвящал государственной службе, время которой было точно установлено регламентом, полдня он находился вне ее» [5]. Это как раз и породило особое состояние восприятия пространства и времени дворянством до начала XX в.

С XVIII в. в России начинают развиваться наука и образование. И дворянство в этой области также занимает особое привилегированное место, ведь доступ к образованию хоть и был у низших слоёв, но просвещённым считалось именно служилое сословие [9]. Основными учёными, мыслителями и носителями «особых знаний» того времени были выходцы из дворянства, что в очередной раз подчёркивает его особое состояние. Этот разрыв с другими сословиями заставил его обособиться в пространство, которое, в свою очередь, детерминировало новые культурные явления и преобразовывало старые.

Одним из таковых является светский бал, который неразрывно связан именно с дворянством, и получивший в XIX в. особое распространение в Российской империи. Естественным образом корни это явление берёт с, так называемых, Ассамблей, введённых императором Петром I в культурную жизнь русского общества в декабре 1718 года [10].

Здесь стоит отметить, что жизнь молодого дворянина делилась на две стороны. С одной, он выступал в качестве человека, служащего государству – военная или статская службы. В этом контексте, дворянин – это верноподданный государя, являлся представителем своего сословия. С другой стороны, пребывание вне службы – это частная жизнь человека, полная хозяйственных и семейных забот. Такая бинарность состояния характерна для гомогенного пространства, в котором человек может пребывать довольно долгое время. Но появление балов (сначала

петровских ассамблей) и разрушила его. В них реализуется общественная жизнь дворянина, так как, во-первых, на баллах он не был ни частным лицом, ни служилым человеком; а, во-вторых, здесь реализовывался особый статус представителя привилегированного дворянина, «он был дворянином в дворянском собрании, человеком своего сословия среди своих» [5]. Именно поэтому мы можем говорить об особом месте балов в культурном пространстве дворянства. Вспомнить хотя бы тот факт, что за проведением ассамблей при Петре I было поручено П.И. Ягужинскому: «Коли Ягужинский приказывал пить, то все должны были делать это, хотя бы количество тостов и обязательное за ними осушение бокалов превышало все, что можно считать вероятным. Если Ягужинский после подобного обеда, став «шумен», приказывал плясать до упаду, то можно было быть уверенным, что все двери хорошо заперты и охранены и что гостям придется плясать до упаду. Ассамблеи при таком принудительном пьянстве и пляске делались тяжелой и даже опасной для здоровья повинностью» [11]. Совершенно естественно, что непривыкшие к такому времяпрепровождению гости поначалу отказывались от участия в «ассамблеях» (поэтому их вынуждали), но проще воспринимали их молодые люди, которые впоследствии стали активными их участниками.

Ассамблеи и, в дальнейшем, балы заставляли дворян формировать вокруг себя определённый круг ценностей, важных для подобного образа жизни. Интерес к танцам, общение друг с другом, этикет – всё это создавало новый образ привилегированного сословия, заставляло его культивировать новое культурное пространство.

Конечно же, кроме бала в этом пространстве были детерминированы и другие явления. В частности, с дворянством ассоциируется дуэль, ставшая неотъемлемой частью их жизни. Стоит отметить, что русский дворянин XVIII-XIX вв. существовал в двух пространственно-временных плоскостях, регулировавших его

общественную жизнь. С одной стороны, он являлся верноподданным государя и беспрекословно подчинялся государственным приказам под страхом стыда, наказания за невыполнение. С другой, он выступал активным участником социальных отношений внутри своего сословия, которое регулировалось понятием чести. Иными словами, дворянин остро реагировал на возможные замечания со стороны других, ведь это могло отбросить тень на характеристику его службы, а, следовательно, на честь самого человека. «С этих позиций переживает известную реставрацию средневековая рыцарская этика...» [5]. При этом дуэль является не просто регулятором отношений «оскорбляющего-оскорблённого», это ещё и подтверждение статуса дворянина, признание оскорблённого (или оскорбившего) равным. При этом стоит отметить, что дуэли, в отличие от балов, как культурные явления находились в неопределённом гетерогенном состоянии: они были популярны в дворянской среде, но к ним отрицательно относилась и официальная власть (Николай I по этому поводу изрёк: «Я ненавижу дуэли; это — варварство; на мой взгляд, в них нет ничего рыцарского» [12]), и демократические круги XVIII-XIX вв., которые видели в них предрассудки, противоречащие естественным правам человека.

Таким образом, выявляя культурные явления и анализируя жизнь и быт дворянства XVIII – начала XX вв., мы приходим к выводу, что это служилое сословие представляет собой типичный хронотоп и параллельное по отношению к другим социальным стратам пространство. Это выражается, прежде всего, в том, что дворянство, являясь привилегированной частью населения России того времени, носило передовые ценности, у неё был доступ к просвещению, иным идеалам и т.п., формировало новое культурное поле, отличающееся даже по временным характеристикам от традиционного других сословий империи.

Литература:

1. Якушенкова О.С. Образ чужого в гетеротопных пространствах фронта: дис. ... канд. филос. наук Астрахань. – 2014. – С. 30
2. Foucault M. Of Other Spaces. Diacritics. 1986. Vol. 16. №1. P. 22-27. 26-27.
3. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 347.
4. Гуревич. А.Я. Категории средневековой культуры. — 2-е изд., испр. и доп.— М.:Искусство, 1984. – С. 44
5. Лотман Ю.М. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). – Санкт-Петербург. «Искусство — СПб». – 1994. – С. 18, 22, 91, 165.
6. Павлов А.П. Правящая элита русского государства IX-начала XVIII вв: (очерки истории). – Дмитрий Буланин, 2006. – С. 225.
7. В. В. Богуславский В.В. Славянская энциклопедия. Том 1. Стр. 204.
8. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.— С. 78.
9. Зезина М. Р., Кошман Л. В., Шульгин В. С. История русской культуры : Учеб.пособие для вузов по спец. "История". – Москва: Высш. шк., 1990. – С.134.
10. Костомаров Н. И.. Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей (3 том). – ОЛМА Медиа Групп, 2003. – С. 90.
11. Гнилорыбов П., Зырянов В., Томчин М. Россия в эпоху Петра Великого. Путеводитель путешественника во времени. – Litres, 2016. – С. 30.
12. Соколов К.Б., Черносвитов П.Ю. Европа и Россия: ментальность и художественная культура : сравнительно-исторический анализ. – Нестор-История, 2007. – С. 246.

References:

1. Jakushenkova O.S. Obraz chuzhogo v geterotopnyh prostranstvakh frontira: dis. ... kand. filos. nauk Astrahan'. – 2014. – S. 30
2. Foucault M. Of Other Spaces. Diacritics. 1986. Vol. 16. №1. P. 22-27. 26-27.
3. Uhtomskij A.A. Dominanta. SPb.: Piter, 2002. S. 347.
4. Gurevich. A.Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury. — 2-e izd., ispr. i dop.— M.:Iskusstvo, 1984. – S. 44
5. Lotman Ju.M. Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII-nachalo XIX veka). – Sankt-Peterburg. «Iskusstvo — SPB». – 1994. – S. 18, 22, 91, 165.
6. Pavlov A.P. Pravjashhaja jelita russkogo gosudarstva IX-nachala XVIII vv: (ocherki istorii). – Dmitrij Bulanin, 2006. – S. 225.
7. V. V. Boguslavskij V.V. Slavjanskaja jenciklopedija. Tom 1. Str. 204.
8. Skrynnikov R.G. Ivan Groznyj. — M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2001.— S. 78.
9. Zezina M. R., Koshman L. V., Shul'gin V. S. Istorija russkoj kul'tury : Ucheb.posobie dlja vuzov po spec. "Istorija". – Moskva: Vyssh. shk., 1990. – S.134.
10. Kostomarov N. I.. Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee vazhnejshih dejatelej (3 tom). – OLMA Media Grupp, 2003. – S. 90.
11. Gnilorybov P., Zyrjanov V., Tomchin M. Rossija v jepohu Petra Velikogo. Putevoditel' puteshestvennika vo vremeni. – Litres, 2016. – S. 30.
12. Sokolov K.B., Chernosvitov P.Ju. Evropa i Rossija: mental'nost' i hudozhestvennaja kul'tura : sravnitel'no-istoricheskij analiz. – Nestor-Istorija, 2007. – S. 246.